

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

ВО МРАКЕ
ЛУНЫ

АЗБУКА

Расследование ведет Гидеон Фелл

Джон Диксон Карр Во мраке луны

Серия «Доктор Гидеон Фелл», книга 23

Серия «Классика
детектива. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74586106

Во мраке луны: Азбука, Издательство АЗБУКА; СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34606-2

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Во мраке луны» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле.

По приглашению местного богача Генри Мейнарда доктор Фелл приезжает в Южную Каролину. У Мейнарда есть какое-то важное дело к известному детективу, но при встрече хозяин утверждает, что дело уладилось само собой и помощь больше не требуется. Тем не менее уже на следующий день становится ясно: лишь изощренному уму доктора Гидеона Фелла под силу раскрыть тайну случившегося «во мраке луны»...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джон Диксон Карр

Во мраке луны

John Dickson Carr

DARK OF THE MOON

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1967

Published by arrangement with David Higham Associates
Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Глава первая

По небу, освещенному растущей луной, проносились темные облака. На остров Джеймс-Айленд у Чарльстонской гавани опустилась теплая ночь, какая бывает только в Южной Каролине. Майский воздух, напоенный ароматами жасмина и магнолии, будоражил кровь.

Мейнард-Холл располагался в северной части острова и был развернут фасадом на восток. В стороне от него тянулось побережье. С широкой песчаной подъездной аллеи, которая вела прямо к крыльцу дома, виднелись четыре высокие колонны портика, выделявшиеся на фоне фасада, словно бледные призраки, а также северное и южное крылья, стены которых из потрескавшегося от времени кирпича, с посеребренными луной окнами поднимались вверх на два этажа. Выше, под самой крышей, находился мансардный этаж, в двух его центральных окнах горел свет.

Слева раскинулись сады – до самой ограды, идущей параллельно подъездной дороге, а за ее пределами – до шоссе Форт-Джонсон-роуд. Справа, на севере, за плоской лужайкой находилась терраса, усыпанная белыми, измельченными устричными раковинами. Она тянулась от северного крыла Мейнард-Холла с одной стороны до короткого ряда тополей с другой. Отсюда, со склона, открывался вид на побережье и приливные волны.

Вдали, на расстоянии чуть больше мили, если смотреть наискосок через освещенную лунным светом полосу воды, над длинной темной набережной, носившей название Батарея¹, сверкали огни Чарльстона. Но эмоции кипели не здесь, а совсем в другом месте...

За воротами Мейнард-Холла, ярдах в пятидесяти от парадного входа, в том месте, где начиналась подъездная дорога, росли шесть высоких магнолий – по три с каждой стороны. Спрятавшись от окружающего мира в тени деревьев, мужчина и девушка застыли в неистовых объятиях.

Чтобы услышать их шепот, пришлось бы подойти совсем близко. Моложавый баритон мужчины контрастировал с легкой, сбивчивой речью девушки. Густой воздух был наполнен страстью и безрассудным отчаянием, а еще, пускай это и звучит совсем неромантично, комариным писком.

Но на комаров никто не обращал внимания.

– Дорогой, так нельзя, – прошептала девушка. – Но не останавливайся!

– Знаю, что нельзя, – шепотом ответил мужчина, – и не останавлиюсь. Просто не смогу. – Внезапно он повысил голос: – Боже, Мэдж! А если сюда придет твой отец?!

– Тсс!

– Ладно. – Он снова заговорил шепотом: – Но если все-

¹ *Батарея* – чарльстонская набережная и оборонительная дамба на ней. Получила свое название в честь артиллерийской батареи, построенной еще до Гражданской войны в США (1861–1865).

таки твой отец...

– Папа? Он не придет!

– Как знать?

– Нет, глупенький, он не придет, если только ты опять не закричишь, как секунду назад.

– Я задал тебе вопрос!..

– Потому что он никогда так не делает. – Девушка, которую звали Мэдж, указала на тускло освещенные окна верхнего этажа Мейнард-Холла. – Он постоянно торчит там, вечно что-то рассчитывает. Или там, на террасе, – она махнула рукой вправо, – наберет книг и всяких бумаг и сидит. Но...

– Что «но»?

– Ладно! Если я тебе настолько нравлюсь, как ты говоришь...

– Если? Ты мне очень нравишься!

– Дорогой, к чему эта ужасная скрытность? Почему мы не можем вести себя так, как нам хочется? Почему бы тебе не поговорить с папой?

– Потому что я не могу с ним поговорить! Тебе известна причина, правда?

– Ну...

– Тебе известна причина, так ведь?

– Может, и так. Но мне все равно.

– А мне – нет. – В голосе ее спутника снова зазвучало волнение, но он больше не повышал голос. – Мэдж, ты слышала? По дороге только что проехала машина.

– Нечего здесь слушать, глупый мальчишка. Иди ко мне!

– Наверное, мне лучше уйти. Я могу незаметно выскользнуть через боковые ворота на Форт-Джонсон-роуд.

– Прямо сейчас?

– Мэдж, все равно сегодня у нас ничего не выйдет. Еще не так поздно, и ты об этом знаешь. А кроме твоего отца, могут появиться и другие люди.

– И мы, дорогой, знаем, кто появится завтра. – Ее нежный ласковый голос обволакивал мужчину, и его нервы трепетали, как пойманная на крючок рыба. – Но ты же не будешь ревновать к нему?

– Постараюсь. Ревность я испытываю только к одному человеку.

– Правда? К кому это?

– Не важно. Мне пора, Мэдж. Спокойной ночи...

– Ой, не бросай меня так! Не надо!

– У меня нет выбора, милая. Как бы прискорбно это ни звучало. Спокойной ночи, Мэдж.

Понуриив голову и весь на взводе, он пошел сквозь тень к саду слева. Двадцатисемилетняя Мэдж Мейнард огорченно взмахнула рукой с видом человека, готового закричать во весь голос: «Все меня бросили!» Еще несколько мгновений Мэдж оставалась в тени деревьев, затем, немного успокоившись, вышла на залитую лунным светом дорогу.

Невысокая, полноватая, но хорошо сложенная, она была в белом платье без рукавов, подчеркивавшем изгибы ее фигу-

ры. Лунный свет лишил красок ее блестящие светлые волосы и кожу, у которой днем появлялся легкий золотистый оттенок, а ясные карие глаза казались теперь черными. В ее лице, освещенном луной, было столько здорового очарования, что оно казалось почти красивым и в то же время живым, открытым и доверчивым. Но счастливой она не выглядела.

– Ой! – воскликнула Мэдж, резко разворачиваясь.

Возможно, она и не услышала шума машины, которая свернула с шоссе на дорогу, ведущую к воротам, однако теперь до нее отчетливо донеслись чьи-то шаги. Затем раздался резкий шлепок, когда кто-то прихлопнул рукой комара. Через широко распахнутые кованые ворота из сгустившейся под магнолиями тени на лунный свет упругой походкой вышел высокий худощавый молодой человек, который выглядел года на два или на три старше Мэдж. Одет он был в серые брюки и белую спортивную рубашку с шелковым платком, завязанным вокруг шеи под воротником, и в изменчивом лунном свете производил впечатление человека неглупого, но немного расслабленного и беззаботного. У него были точеные аристократичные черты и густые темные волосы.

Мэдж и новоприбывший уставились друг на друга. Вокруг них тонко и надоедливо гудели насекомые. С побережья доносился тихий шелест прибоя. Мэдж заговорила первой:

– Ну надо же! Янси! Янси Бил! И что ты здесь делаешь?

Янси Бил отвесил ей низкий поклон:

– Добрый вечер, солнышко! Я, как всегда, к твоим услу-

гам.

– Тебе все-таки удалось сюда пробраться?

– Кто сюда пробирался, малышка? Я подъехал к воротам, как и положено приличному поклоннику. С кем ты здесь говорила минутой назад?

Девушка подняла на него свои сияющие глаза:

– Янси, здесь никого не было.

– Неужели? Готов поклясться, я слышал, как кто-то удирает. Ну да ладно. Раз ты говоришь, что никого не было, солнышко, с удовольствием в это поверю.

– Ты просто душка, Янси. – Мэдж скорчила забавную рожицу и постаралась не рассмеяться. – Умеешь заговаривать зубы, настоящий южанин.

– А ты, Мэдж Мейнард, стало быть, не южанка?

– Никогда себя южанкой не считала.

– Только не надо говорить глупостей, солнышко! Пускай ты родилась во Франции, а выросла в Нью-Йорке и Коннектикуте, но твой папаша – Мейнард из Южной Каролины...

– Последний из проклятого рода Мейнардов, ты это хотел сказать?

– Солнышко, ну что опять за ерунда! Какие еще проклятия? Я хотел сказать, что твой папа Мейнард, твоя мама – Уилкинсон из Джорджии. И если ты считаешь себя одной из чертовых янки, то я – Текумсе Шерман².

² Уильям Текумсе Шерман (1820–1891) – американский генерал, во время Гражданской войны воевавший на стороне Севера.

– Янси, ты, как всегда, красноречив. Кстати, как твоя юридическая практика?

– Клиентов мало, с деньгами туго, престижа – никакого. В партнеры меня возьмут хорошо если лет через двадцать. Разве кто-нибудь обратит внимание на такого, как я?

– Я могла бы обратить, если будешь нормально со мной разговаривать. Но ты так и не объяснил, что здесь делаешь.

Мистер Бил прихлопнул еще одного комара.

– Ладно! – сказал он. – Я должен был приехать завтра спозаранку и провести здесь первую неделю отпуска. Старина Плейфорд захотел отдохнуть в июне, когда обычно беру отпуск я, и у Братца Кролика освободилось две недели в мае. Вот я и решил между делом заскочить сюда из Чарльстона, чтобы разведать обстановку. Марк Шелдон и Валери Хьюрет тоже интересуются, как тут у вас дела?

– Как обычно.

– Правда?

Мэдж пыталась держать себя в руках, но у нее ничего не получалось.

– Дядя Дик умер в марте, – выпалила она. – Мы переехали меньше месяца назад. Но здесь все то же самое, точь-в-точь как в Голиафе, в Коннектикуте. Одиноко и уныло, Янси, ты даже не представляешь, до какой степени одиноко и уныло! Я еще не настолько старая, чтобы, как папа, похоронить себя заживо.

– Поосторожнее насчет похоронить заживо, солнышко,

твой папа – мудрый человек. По крайней мере, так считают люди, разбирающиеся в математике и в науке. Хотя лично я ничего в этом не понимаю! Тебе просто нужно выбрать преданного мужа – хотя бы меня – и не забивать голову ерундой. Старина Янси, как и обещал, будет здесь с завтрашнего дня. Говорят, твой приятель-янки тоже приедет.

– Ты про Рипа Хиллборо?

– Про него самого. Представляешь, еще один ворчливый юрист.

– Тебе не нравится Рип?

– Что ты, милая! Я всего один раз видел его, когда он приезжал вместе с вами в апреле. Так завтра он тоже будет?

– Да, мы ждем Рипа в гости, – беззаботным тоном ответила Мэдж. – И Камиллу Брюс, она настоящая подруга. На неделе из Голиафа приедет старый папин друг. Камиллу Брюс и мистера Крэндалла тоже можно назвать янки. И ты встречался с ними обоими, когда они приезжали к нам в апреле. Кажется, они тебе даже понравились. А вот бедняга Рип...

– Не пойми меня превратно, солнышко! – взмолился Янси. – Этот твой обожаемый Рип Хиллборо наверняка хороший человек. Но он единственный янки, которого я мысленно называю про себя «чертовым янки». А впрочем, кто я такой, чтобы осуждать других? Я просто хотел сказать, что тебе не стоит забивать голову всякой ерундой. Не волнуйся!

Но Мэдж все равно волновалась. Внезапно наполненный

запахом жасмина горячий воздух стал особенно удушающим, а в атмосфере даже появилось нечто зловещее. Затем в небе загрохотало – этот звук, словно волна, пронесся по небу, то набирая мощь, то стихая. Мэдж вдруг закрыла лицо руками и снова скрылась в тени. Молодой человек последовал за ней.

– Янси, ты слышал? Как призрачные пушки из форта Самтер! Что это было?

– Просто небольшой гром, солнышко. В здешних местах такое нередко бывает, даже при чистом небе. Не обращай внимания, крошка! И все же...

Но похоже, тревога передалась и Янси.

– Слушай, милая! – продолжил он с неуклюжей нежностью. – Я сказал, что тебе не стоит переживать, и это совершенно серьезно, слышишь? Пускай в этих местах и творится что-то чертовски странное. Мне об этом известно, хотя я ничего не могу тебе объяснить. Но помни, я всегда рядом. А тебе может понадобится помощь, Мэдж. Видишь ли...

Снова загредел гром, и Янси замолчал. Их внимание привлекло движение за белыми колоннами портика в пятидесяти ярдах от того места, где они стояли. Несмотря на то что большая парадная дверь была распахнута, внутренняя, с москитной сеткой, все это время оставалась закрытой. Теперь за ней появился чей-то смутный силуэт, открыл ее, затем закрыл за собой, прошел по крыльцу и спустился по ступенькам на широкую песчаную дорожку между двумя газо-

нами.

Мэдж молчала и тяжело дышала.

Смутный силуэт направился к ним, постепенно принимая очертания худощавого, жилистого и энергичного мужчины, одетого аккуратно и скромно, без чрезмерного щегольства. На вид ему было около шестидесяти. Он курил сигарету и смахивал пепел на лужайку. Седые волосы отливали серебром. А под этими седыми волосами виднелось лицо с такими же тонкими чертами и носом с горбинкой, как на старых семейных портретах. Но читались в нем и другие особенности. Любезный или угрюмый (а Мэдж знала, что он мог быть разным), Генри Мейнард, без сомнения, был человеком большого ума и сильных страстей, которые сдерживал благодаря внутренней дисциплине и чувству такта.

Он еще не видел стоящую в тени парочку, но, похоже, знал, что они там.

– Мэдж! – немного смущенно позвал он, а затем повторил уже громче: – Мэдж!

– Да, папочка?

– Прости меня, дорогая. Я не хотел мешать, но...

Мэдж вышла на лунный свет. Ее молодой спутник поступил так же. Генри Мейнард вдруг замер, словно натолкнулся на стену.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Янси Бил.

– Янси, это ты? Это в самом деле ты?

– Я, сэр, ваш покорный слуга. Вас это удивило?

– Не удивило, нет. – Генри Мейнард смерил его пристальным взглядом. – Янси, ты же знаешь, что здесь тебе всегда рады? Ведь знаешь, мой мальчик?

– Хорошо, что я не помешал. И прошу простить, если потревожил.

– Ты меня не потревожил. Но сильно озадачил.

– Сэр?

– Я был у себя в кабинете. Кондиционер не работал, но я открыл окно с москитной сеткой, поэтому и услышал вас. Ты что-то сказал Мэдж, очень громко. Точных слов я не запомнил...

– Да, сэр?

– Ты упомянул, что, если вас здесь обнаружат, может случиться катастрофа. – Генри Мейнард вздохнул. – Янси, я знаком с твоим отцом уже сорок лет. Разве ты не знаешь, что тебе всегда рады в моем доме? Боже, мальчик мой! Да с чего мне сердиться...

– Но я этого не говорил...

– Что не говорил?

Мэдж хотела вмешаться, но Янси перебил ее.

– Наверное, это все из-за моей рассеянности, – ответил он. – Не помню, чтобы говорил такое. – Янси обнял Мэдж за плечи. – Юная леди сегодня чем-то расстроена, вот и я, наверное, тоже огорчился.

– У Мэдж есть свои странности. Я об этом знаю.

– Папа, ну пожалуйста! – вырвалось у Мэдж, но Генри

Мейнард не обратил на это внимания.

– Прошлое не отпускает. Здесь, в Чарльстоне и его окрестностях, оно всегда рядом. Одного прикосновения достаточно, чтобы старые суеверия захлестнули нас, словно потоп. Да, у Мэдж есть странности...

– Как эти ее призрачные пушки из форта Самтер?

– Нет, я не об этом. Она знает, что это просто гром. Тут дело серьезнее. Что случилось с первым Мейнардом в тысяча шестьсот девяносто восьмом году, когда кто-то или что-то преследовало его на болоте на другом краю острова. Что случилось с его потомком в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом, когда коммодору Люку Мейнард, бывшему морскому офицеру Конфедерации, разможили череп здесь, на пляже, но орудия убийства так и не нашли, а на мокром песке на расстоянии в десять ярдов вокруг тела не обнаружили никаких следов, кроме его собственных? Какие улики были подтасованы, а о каких умолчали, чтобы сослаться на вмешательство сверхъестественных сил и потрясти доверчивые умы? Чушь, даже хуже, чем чушь! И если Мэдж опять вспомнила о существе, которое может идти за вами, не оставляя следов...

– Пожалуйста! – снова воскликнула девушка и смахнула руку Янси со своего плеча. – Папа, ты всегда затыкаешь мне рот. Что, сейчас попросишь меня уйти и вести себя как хорошая девочка? Мне все так говорят. Но я должна тебе это сказать! Я не думаю о существе, которое может идти за кем-то, не оставляя следов. О нем думаешь ты.

– Я, Мэдж?

– Не отрицай, я слишком хорошо тебя знаю! Ты только и делаешь, что думаешь, думаешь и думаешь.

Генри Мейнард вытянулся в струнку.

– В каком-то смысле, моя дорогая, ты абсолютно права. Я повторяю, старые суеверия не имеют никакой силы и не представляют интереса для ума, способного мыслить логически. И я бы все отдал, приложил бы все мои жалкие силы, лишь бы получить возможность написать: «Что и требовалось доказать» – и развеять их раз и навсегда.

Несколько секунд стояла тишина, только легкий ветер из гавани шелестел кронами деревьев. Затем их хозяин обратился к Янси Билу.

– Я надеялся, – сказал он почти печально, – что в Мейнард-Холле все будет иначе. И все действительно будет иначе, я обещаю! Я знаю, что у Мэдж скучная серая жизнь, и обещаю это исправить. Чем старше мы становимся, мой мальчик, тем больше находим очарования в уединении. Когда-то у меня было много знакомых в Чарльстоне. И пускай я потерял связь с большинством из них, но молодые люди вроде миссис Хьюрет и доктора Шелдона могут составить приятную компанию. Нам стоит почаще приглашать их на ужин. Я уже предпринял шаги, чтобы устроить небольшую вечеринку у нас дома и покончить с уединением.

Он вытащил из внутреннего нагрудного кармана небольшой ежедневник в кожаном переплете, а из кармана брюк –

фонарик и направил его луч на раскрытую страницу. Там ничего не было написано, хозяин Мейнард-Холла искал нужную ему дату.

– «Воскресенье, второе мая тысяча девятьсот шестьдесят пятого года», – прочел он вслух. – Это сегодня, и день уже почти закончился. Первые гости прилетят завтра на самолете. Помимо тебя, Янси, здесь будут наши знакомые из городка под названием Голиаф. Он находится в Коннектикуте, неподалеку от Хартфорда.

– Знаю, сэр, Мэдж мне рассказывала.

– Теперь позволь рассказать мне. – Генри Мейнард дернул плечом. – Молодой Риптон Хиллборо, с которым, полагаю, ты уже встречался, берет отпуск в юридической фирме в Хартфорде, где он работает. Завтра же прибудет еще одна гостья – очаровательная девушка по фамилии Брюс, Камилла Брюс, тебе она тоже знакома. Хочу отметить, что в Голиафе есть два высших учебных заведения: университет Кольта и женский колледж Лидии Стоун.

– А это здесь при чем? – спросил Янси. – Я хорошо помню Камиллу, очень хорошо. Она замечательная девушка, спокойная, и знаете, такая может далеко пойти. Но почему вы заговорили про университет и колледж? Она имеет какое-то отношение к женскому колледжу?

– Официально – никакого. Камилла – репетитор, занимается математикой с девочками, у которых плохая успеваемость. Не совсем понимаю, что ты имел в виду под «далеко

пойти», да и не хочу выяснять.

– Забудьте об этом, сэр! Я несу всякую чушь.

– Я уверен, что Мэдж будет рада повидаться с Камиллой.

Что касается моего надоедливого общества...

– Папа, – воскликнула Мэдж, – это еще что такое?

– Так вот, что касается моего надоедливого общества, то я избавлю вас от него на пару дней. В среду мне придется уехать в Ричмонд, там нужно кое-что уладить. Оказывается, дела моего покойного брата шли совсем не так хорошо, как мы думали. Между тем...

– Сэр, послушайте! Ведь еще должен быть мистер Рэндалл или Крэндалл? Газетный репортер или что-то в этом роде?

– Роберт Крэндалл, Янси, бывший редактор и владелец «Голиаф-сентинел» – одной из немногих газет этого маленького городка, у которой оказалось достаточно ресурсов, чтобы ее не поглотила какая-нибудь большая корпорация, управляющая всем и вся в прессе. Хотя Крэндалл гораздо моложе меня, этой весной он решил отойти от дел и продать свой бизнес сети «Шоу-маркетер». Пусть это останется на его совести. Мы с ним во многом не согласны, и он плохо играет в шахматы, поскольку не умеет сосредоточиваться, но мне нравится его общество. Мэдж, что за угрюмый вид? Не унывай! Эти трое гостей развеют скуку...

– Камилла Брюс, Боб Крэндалл и старина Риптон Хиллборо! Все трое, как я понимаю, янки? – усмехнулся Янси Бил, теперь он явно начал дурачиться. – Надо же! Устроим

настоящий бал, да?

– Янси, ради бога! – возмутилась Мэдж. – Янки из Новой Англии, а ты называешь так всех, кто живет севернее Вирджинии или Мэриленда. Камилла из Филадельфии, Рип родился в Нью-Джерси, а мистер Крэндалл, думаю, откуда-то со Среднего Запада.

– Я выслушал твои упреки и приношу извинения тем чертовым янки, которые родились не в Новой Англии. Сэр, это все гости?

– Это все, кто остановится у нас. Мэдж, совсем забыл тебе сказать, что через две недели в пятницу, четырнадцатого мая, – мистер Мейнард отыскал нужную дату в своем ежедневнике, после чего убрал его вместе с фонариком, – мы ждем еще двоих. С одним из них мне необходимо посоветоваться. Мэдж, ты, случайно, не помнишь Алана Грэнтема? Два года назад, если мне не изменяет память, он несколько раз навещал нас в Голиафе, когда гостил у Ливингстона – ректора университета Кольта. Так ты помнишь Алана Грэнтема?

– Да, помню. Так... – Мэдж осеклась.

– Последние годы он работает в Королевском колледже в Пирисе на какой-то не очень обременительной преподавательской должности. Пирис в Южной Каролине, на плато Пидмонт, примерно в двухстах милях отсюда.

– Знаю.

– Он, как и многие, был очарован Чарльстоном. В середи-

не следующей недели один его друг прилетает из Нью-Йорка в Пирис. А в пятницу, четырнадцатого, мистер Грэнтем на машине повезет друга показывать ему достопримечательности города, носившего когда-то название Чарльз-Таун. Разумеется, я пригласил их остановиться у нас, но они вежливо отказались; вероятно, им удобнее поселиться в отеле. Ты ведь не против снова повидаться с Аланом Грэнтемом?

– Нет, конечно. Алан милый и умеет развлечь, когда прикладывает для этого усилия. Но кое-кто будет рад встрече с ним намного больше меня.

Янси дотронулся до ее щеки.

– Да что ты говоришь, куколка! И кто же так хочет увидеть этого малого?

– Камилла. О да-а! – вздохнула Мэдж, складывая руки на груди, а затем вытягивая их. – Камиллу считают умной, она такая и есть, но да-а! Она так втюрилась в этого Алана, что вам станет неловко, если я расскажу. Ну а Валери Хьюрет, конечно же, положила глаз на тебя, папочка. Валери не нравится быть вдовой...

– Мэдж, прекрати!

– ...Правда, чтобы ты ее заметил, ей, наверное, придется устроить стриптиз у тебя в кабинете. Впрочем, я говорила о Камилле. Ну да. Даже если я потеряю голову из-за мужчины, думаете, я стану кричать об этом с крыши на всю округу? – Она топнула ногой. – Я слишком гордая, чтобы так унижаться.

– Твоя наивность, Мэдж, весьма необычна в наш циничный век. И все же ты вряд ли хорошо разбираешься в делах сердечных, а потому...

– Папа, о чем ты хотел посоветоваться с Аланом Грэнтемом? Он занимается литературой и историей, гуманитарий, а ты никогда не доверял гуманитариям. Почему вдруг решил спросить у него совета?

– Совета я хочу спросить не у него, но пригласил и Алана тоже, из вежливости. Мне нужно проконсультироваться с его другом, с которым он поедет в Чарльстон.

– Ой, и кто же это?

– Один выдающийся англичанин, доктор Гидеон Фелл. Дорогая, ты должна его помнить. В феврале он читал лекцию в Голиафе, и ты видела его на чаепитии после нее.

– Мэдж, опять гремят твои призрачные пушки, – вмешался Янси Бил, когда все небо, казалось, задрожало от далекого грохота. – Слышишь их, солнышко?

– Призрачные пушки? – с пренебрежением в голосе спросила Мэдж. – Ты имел в виду перекрестные воздушные течения? Мы все сталкиваемся друг с другом, даже не догадываясь, куда дальше понесет нас поток!

– Мэдж...

– Да, я помню доктора Фелла. Он читал лекцию «Убийцы, которых я встречал». И еще в округе Уэстчестер, неподалеку от Нью-Йорка, произошло жуткое убийство – одну актрису застрелили из арбалета или чего-то подобного, а доктор

Фелл... Папочка, что это значит? Ты думаешь, здесь произойдет убийство? Или хочешь, чтобы он объяснил тебе, как commodore Мейнард умер на пляже сто лет назад? Иногда мне кажется, что не стоит...

По лицу старика пробежала судорога.

– Мэдж, прекрати! Ради бога, прекрати!

Его раскатистый голос громко зазвучал под деревьями. Но через секунду Генри Мейнард уже взял себя в руки.

– Разве кто-то говорил про убийство, моя дорогая? Я хотел посоветоваться насчет тебя.

– Меня? Я-то здесь при чем?

Мейнард с тоской посмотрел на нее.

– Все, что я делаю, – сказал он, – я делаю ради тебя и твоего счастья. Ты можешь этого не ценить и даже не понимать, но у тебя уже должны появиться основания верить мне. – Его голос стал резче. – Давай больше не будем об этом. Ты поняла?

– Да, – прошептала после паузы Мэдж.

– Янси!

– Сэр?

– Я почти забыл, какая в здешних местах погода. Сегодня, похоже, слишком тепло для начала мая. Но все вот-вот поменяется, скоро похолодает. Нам с Мэдж лучше пойти в дом. У тебя нет к нам вопросов, мой мальчик?

– У меня уйма вопросов, сэр. Кто преследует людей и разбивает им головы, не оставив никаких следов?

– Спокойной ночи, Янси. Увидимся завтра.

– Здесь точно творится что-то странное! – пробурчал себе под нос Янси Бил.

В небе снова раскатисто загревели призрачные пушки.

Глава вторая

Пятница, 14 мая.

В девять часов утра кабриолет «крайслер-империал» выехал из Пириса по Пинкни-роуд, затем свернул на шоссе 276, которое на выезде из Колумбии – столицы штата – переходило в автомагистраль 26, и направился на юго-восток к побережью и Чарльстону.

Алан Грэнтем, которого, хотя сам он пока об этом не догадывался, связывало с Янси Билом некое духовное родство, ехал на разрешенной скорости – шестьдесят пять миль в час. Позади него, словно гора, слишком большая, чтобы уместиться на одном кресле рядом с водителем, расположился его друг – доктор Гидеон Фелл.

Судьбе Алана Грэнтема в его тридцать с небольшим лет могли позавидовать многие. Сам Алан, вероятно, и не согласился бы с этим утверждением, но лишь по причине душевных волнений, не дававших ему покоя. Помимо сложностей, возникших из-за Мейнардов на острове Джеймс-Айленд, он не находил себе места из-за Камиллы Брюс. Днем и ночью Камилла занимала все его мысли. Но даже доктор Фелл, прилетевший в четверг днем, обратил внимание, насколько выигранно его положение.

Алан встречал его в аэропорту Пирис-Атенстаун, когда большой «уисперджет» Восточных авиалиний, летевший до

Пириса прямым рейсом из Ньюарка, зашел на посадку. Доктор Фелл в широкополой пасторской шляпе и просторном, как палатка, черном плаще медленно спустился по трапу и пошел вперевалку по полю, опираясь на трость с загнутой рукояткой. Его розовое лицо уже покрылось испариной, бандитские усы повисли, а пенсне на черной ленте перекаслось. Он крепко пожал руку энергичному молодому человеку среднего роста, одетому в спортивную куртку.

– Ха! – усмехнулся доктор Фелл. – Ха-ха-ха! Простите меня, мой дорогой друг, но, кажется, палящее солнце пробудило во мне частичку юмора. Не возражаете, если я сниму мой раскаленный плащ?

– Возражаю? На улице около двадцати градусов. Куртку я надел, просто чтобы подчеркнуть мой якобы преподавательский статус. А ведь еще только весна, и столбик термометра пока не начал расти.

– Он вырос уже достаточно, – сурово возразил доктор Фелл. – Архонты афинские! Вам же хорошо известно, что в Англии любая температура выше двадцати градусов по Цельсию считается аномальной жарой? Может, мы... э-э?..

– Выпьем? Конечно. Но вы же не будете виски?

– Человек, который пьет виски в такую погоду, – громовым голосом заявил доктор Фелл, – наверняка носит в тропиках фланелевое белье, а на лукулловом пиру заказал бы себе гамбургеров. Нет, конечно! Почему вы спросили?

– Видите ли, магистр, в этом штате крепкие спиртные на-

питки не продаются на разлив. Но в винном магазине можно купить все, что пожелаете. Обычно мы так и поступаем, а потом пьем у себя дома. Если хотите бурбона, а на юге принято пить бурбон – впрочем, скотч тут тоже уважают, – то придется подождать, пока мы не приедем ко мне. Но если вас устроит пиво или вино...

– Конечно же пиво! Только пиво! Где тут его наливают?

– Здесь, в аэропорту. Пойдемте.

За стеклянными дверями холодный воздух из кондиционеров обрушивался на мрамор. Они уселись за столик в приятной сумрачной пещере бара с двумя высокими стаканами «Старого Гейдельберга». Алан закурил сигарету, а его гость – громоздкую пенковую трубку.

– *Nunc bibendum est!*³ – пробурчал доктор Фелл, поднимая свой стакан и выдувая искры, словно дух Вулкана. – Алан, мы ведь с вами познакомились в Англии, Симон Маг, Кембридж. Но кое-что я о вас не знаю, хотя мне казалось это не настолько важным, чтобы спрашивать. Однако я понял, что в этой стране каждый американец считает своим долгом поинтересоваться, откуда вы родом. Что ж, давайте развлечемся немного, а заодно уважим эту традицию. Так откуда вы?

– Из Уилмингтона, это в штате Делавэр – вотчине Дюпонов⁴.

³ «Теперь нужно пить!» (*лат.*) – первая строка из тридцать седьмой оды Горация «В честь победы при Акции».

⁴ *Дюпон* – династия крупных американских промышленников французского

- Так! А что там насчет вашего преподавательского статуса, как вы его добились?
- Не забывайте, я говорил о «якобы преподавательском статусе». Поверьте, даже моим друзьям это кажется не таким странным, как мне.
- Похвальное отношение, но все же ответьте на мой вопрос. Что помогло вам этого добиться?
- Почетная степень в Кембридже, – ответил Алан. – Похоже, что магистерская работа и Симон Маг дают мощный стимул к дальнейшей карьере.
- И что входит в круг ваших обязанностей?
- Я читаю цикл лекций по английской литературе в память о Хьюзе Беруэлле в Королевском колледже. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году колледж отметит двухсотлетний юбилей, он сохранил свое изначальное название даже после того, как Ричарда Пириса – основателя города и сторонника партии тори – изгнали во время Революции. Всего за год я должен прочесть двадцать лекций, и моя работа завершается как раз накануне июньского вручения дипломов.
- Ну надо же! Вы хороший лектор?
- Я выступаю с энтузиазмом. И как лектор, полагаю, абсолютно беспристрастен. Камилла сказала бы...

происхождения. Ее основатель Пьер-Самюэль Дюпон эмигрировал в США после Великой французской революции и обосновался вместе с семьей в штате Делавэр, где занимался производством пороха.

– Камилла – это мисс Брюс? Та юная леди, о которой вы так часто упоминаете? И что бы она сказала?

– Много чего. Понимаете, я не могу восхищаться нашими современными «священными коровами» вроде Пруста или Джойса, которых все так хвалят и чья репутация слишком раздута в соотношении с заслугами. А я – старый ретроград, которого интересуют исключительно классические мелодрамы и грубый фарс.

– Это правда?

– Правда, но лишь до определенной степени. Однако в Королевском колледже, похоже, это всех устраивает. Меня попросили остаться на следующий год, стать штатным преподавателем, и я собираюсь принять это предложение.

– Из ваших писем я понял, что вам нравится на юге? – спросил доктор Фелл.

– Нравится? Ваш покорный слуга не может представить себе места лучше! Я обожаю здешних людей, эту легкость в общении, отсутствие давления, которое постоянно испытываешь в Нью-Йорке и его окрестностях. Короче говоря, здесь я чувствую себя как дома.

Сопя и кряхтя, доктор Фелл стряхнул пепел со своего обширного тела, откинулся на спинку стула и моргнул за криво сидевшим на носу пенсне.

– Алан, а вам не приходило в голову, что вы большой везунчик?

– Ну...

– Сами подумайте! У вас независимый доход. Преподавательская должность – это не вопрос необходимости, а только вашего желания. Вы молоды, здоровы и, без сомнения, полны энтузиазма – он бурлит и кипит в каждом вашем слове. Неужели вы не видите, как вам повезло?

– Но где бы человек ни жил, у его дверей все равно вырастет терновый куст.

– И ваш терновый куст – это...

– ...Камилла. Ну, по большей части она. Если бы мне только удалось хотя бы немного заинтересовать эту несносную женщину!

– А она к вам интереса не проявляет?

– Не знаю, магистр, давайте сменим тему? Такой несведущий в математике человек, как я, не самый интересный предмет для разговора. Как обстоят дела у вас, доктор Фелл? Удалось распутать то дело в Ричбелле?

– Удалось, и относительно успешно, – лейтенант полиции Спинелли застрелил виновника преступления в парке развлечений. Я только надеюсь...

– Вы надеетесь, что вам не придется столкнуться с новым преступлением? Так?

– Честно говоря, мой дорогой друг, я понятия не имею, с чем могу столкнуться. Например, что от меня нужно этому славному мистеру Генри Мейнард? Прямо он не говорит, только высказывает разные намеки. Может, вы меня просветите?

– Я тоже ничего не знаю, я при вас – как лошадь при леди Годиве. Но Мейнард... .

– Sat prata biberunt!⁵ – произнес нараспев доктор Фелл, допивая свое пиво и с грохотом ставя стакан на стол. – Вся эта история с Мейнардом кажется мне весьма занятной. Но с вашего позволения мы не будем обсуждать эту тему, пока у нас не возникнет особой необходимости.

Итак, в пятницу, в девять утра «империал» Алана выехал из города по шоссе 26. День выдался прекрасный, дул легкий ветер. Доктор Фелл разместился на заднем сиденье, положив ладони на загнутую рукоятку трости. Шляпу он снял, и она покоилась на сиденье рядом, поскольку вряд ли удержалась бы на голове в такую погоду, а густая копна его седых волос яростно развевалась на ветру вместе с ленточкой пенсне. На розовом лице играла лучезарная улыбка, несколько подбородков сотрясались от смеха. В перерывах между смешками доктор Фелл искоса поглядывал в зеркало заднего вида, ловя в нем взгляд Алана. В эти минуты он казался живым воплощением старого короля Коля⁶.

Когда Пирис остался далеко позади, доктор Фелл наконец спросил:

– Между прочим, где мы остановимся в Чарльстоне? Насколько я помню, от приглашения Мейнарда мы отказались?

⁵ Луга достаточно напоены! (лат.) – Вергилий «Буколики».

⁶ Король Коля – полумифический кельтский король, победивший римлян и ставший правителем Британии.

– Да. В городе есть два роскошных отеля: «Фрэнсис Мэрион» на пересечении Кинг-стрит и Кэлхун-стрит и «Форт Самтер» на бульваре Мюррея с видом на гавань. Оба первоклассные, но мне больше по душе «Фрэнсис Мэрион» – я часто останавливался в этой гостинице и хорошо знаю ее. Там я и забронировал для нас номера.

– Замечательно! Разумный выбор. Значит, «Фрэнсис Мэрион».

– Магистр, вы ведь что-то еще хотели сказать?

– Ну да, – рассеянно согласился доктор Фелл с немного дурашливым выражением лица. – Знаете, я ведь и сам, хм, немного знаком с югом, хотя лекции читал преимущественно в больших городах: Ричмонде, Атланте, Новом Орлеане.

– Значит, вы никогда не бывали в Чарльстоне?

– Напротив, один раз я сюда приезжал, много лет назад, но совсем ненадолго и не успел осмотреть город.

– И что вам известно об этом месте?

Доктор Фелл прищурился, глядя на солнце, которое, казалось, все время светило в лицо, в какую бы сторону ни ехал автомобиль.

– Не хочу, чтобы мои слова прозвучали как выдержка из первого попавшегося под руку путеводителя, – ответил он, – но я знаю, что Чарльстон прежде назывался Чарльз-Тауном и получил это название в честь короля Карла Второго в конце семнадцатого века. В Чарльстон его переименовали после Американской революции. Город построили на полуострове

между реками Эшли и Купер, которые, сливаясь, образуют гавань, окруженную кольцом песчаных островов и фортов. Я смутно припоминаю тихий город в пастельных тонах, величественные шпили церквей, дома с двухэтажными террасами и пышными тропическими садами. Помню очень длинную, узкую и оживленную улицу...

– Кинг-стрит.

– ...Она, как нож, разрезает северную окраину города до Батареи. И этому старому глупцу, – пропыхтел доктор Фелл, лицо которого по-прежнему сохраняло дурашливое выражение, – словно назойливой мухе, так и хочется пожужжать над теми островами в гавани. Позвольте задать вам парочку вопросов.

– Да?

– Остров Салливана с фортом Мултри, разумеется, вошел в историю и был воспет в песнях. Как, впрочем, и форт Самтер. Кстати, где он находится?

– На входе в гавань на отдельном искусственном острове.

– Это место печально известно тем, что двенадцатого апреля тысяча восемьсот шестьдесят первого года конфедераты обстреляли форт Самтер, развязав тем самым конфликт между Севером и Югом. А как они вели обстрел? С корабля?

– Нет, магистр. Из другого форта.

– Из другого форта?

– Да. Из форта Джонсон на восточной оконечности Джеймс-Айленда, с расстояния меньше двух миль. Вы мо-

жете добраться в форт Самтер по воде – каждый день туда возят экскурсии на маленьком пароходе.

– А на другие острова?

– К ним ведут мосты. Нельзя посетить только развалины форта Джонсон – на той оконечности острова построили морскую научно-исследовательскую станцию. Но Мейнард-Холл недалеко от этого места, рядом с Форт-Джонсон-роуд. Доктор Фелл, вы видите, куда все это ведет? Прямоком к Мейнардам, все сосредоточено вокруг них, их друзей и нашей нынешней щекотливой ситуации. Может, наконец обсудим эту тему?

– Ну что ж, пожалуй.

– Я не стану вдаваться в семейную историю Мейнардов, мистер Мейнард сможет рассказать нам намного больше, чем мне удалось отыскать в библиотеках. Как бы то ни было, но, похоже, недавние события доставили им немало огорчений.

– И что же это за события, друг мой? – прогремел бас доктора Фелла. – Мейнард писал, что хочет устроить у себя дома вечеринку для, как он выразился, маленькой компании. Но состояться она должна была почти две недели назад, второго мая. Наверняка все уже давно закончилось.

– Вовсе нет. Никто не уехал.

– Архонты афинские! И кто же там?

– Генри Мейнард, его дочь (ее мать умерла вскоре после рождения Мэдж), моя Камилла, бывший редактор газеты по

фамилии Крэндалл, пара начинающих юристов, один – с севера, другой – с юга, это соответственно Риптон Хиллборо и Янси Бил. Еще двое не живут в доме, но часто приезжают туда, это молодой врач Марк Шелдон и одна молодящаяся дама – Валери Хьюрет, которая вышла замуж за наследника старой гугенотской фамилии, но овдовела года три или четыре назад. Вечеринка продолжается.

– Откуда вам это известно?

– От Камиллы. Она пишет мне регулярно, хотя ее письма холодны.

– Еще вы говорили про «огорчения». Какие именно?

– Тревога и растерянность, но подробностей я не знаю. Камилла очень скрытна, так же как и Генри Мейнард, настолько скрытна, что я, черт возьми, ничего толком не могу понять. Но Камилла чем-то расстроена. В прошлую пятницу, седьмого мая, когда мистер Мейнард уезжал по делам в Ричмонд, произошло какое-то необыкновенное событие. До этого дня он казался мрачным и удрученным. Но когда вернулся в субботу утром, его словно подменили – он стал веселым и жизнерадостным. В выходные гости должны были разъехаться, но он и слышать об этом не хотел и убедил их остаться. Больше я вам ничего сказать не могу – за исключением того, что Камилла расстроена и меня это сильно беспокоит.

Алан не на шутку разволновался. Обычно он водил машину аккуратно, всегда смотрел на дорогу, но теперь быстро

оглянулся назад:

– Ради бога, скажите, какого вы мнения о Генри Мейнард-де? Он производит впечатление скучного и чопорного человека, но я готов биться об заклад, что он не таков. И за этим фасадом скрывается взрывной характер.

– Соглашусь, не споря, – проворчал доктор Фелл.

– Магистр, вы его хорошо знаете?

– Встречал один раз. А вы?

– Я видел его всего три раза два года назад, когда бывал у них в Голиафе, в Коннектикуте. У него есть дочь Мэдж.

– О да, я знаю. И что же?

– Мэдж необычайно сексуально привлекательна, – сказал Алан. – Она, как покойная Габри Деслис⁷, может открыть взглядом устрицу с расстояния шестидесяти шагов. Мэдж даже не осознает своей силы, для нее это так же естественно, как дышать. Она просто не понимает, как действует на окружающих ее мужчин. Я и сам едва не увлекся ею, поэтому и приезжал к ним три раза, но встретил Камиллу и... и...

– И что? – спросил доктор Фелл с немного огорченным видом. – Вы уж простите старого дуралея за любопытство, но почему вы с такой неохотой говорите об этой леди? Вы просто увлечены ею? Или влюбились?

– Да. За исключением тех моментов, когда хочу ее убить. Или, если быть точным, когда она хочет убить меня.

⁷ Габри Деслис (1881–1920) – популярная в начале XX в. французская певица, актриса и танцовщица.

– Она хочет вас убить? Разрази меня гром, это обнадеживает.

– Никакой надежды нет. Камилла не похожа на других женщин.

– И чем же она так на них не похожа?

– Ну, не в анатомическом смысле. Здесь, могу поручиться, все в порядке. Она гораздо привлекательнее Мэдж Мейнард и всех остальных женщин.

– Так скажите, в чем заключается ее отличие? Черт возьми! Вы можете внятно объяснить?

Алан задумался.

– Нет ни одного вопроса, – сказал он, – по которому у нас с ней не возникло бы противоречий. Камилла – математик, а математиков я всегда недолюбливал. В политике она симпатизирует либералам и озабочена вопросами социального благосостояния. Я же – реакционный консерватор, которого это совершенно не волнует. У нее довольно оригинальные взгляды на литературу и живопись, я не вижу особенной заслуги в издевательствах над английским языком и порче холстов, превращенных в ночной кошмар. В лучшем случае у нас получается достигнуть вооруженного перемирия, когда обе стороны занимают выжидательную позицию.

– А вы, хм, уверены, что понимаете эту леди? Ведь вы сами упомянули, что питаете к ней отнюдь не прохладные чувства.

– Нет, Камиллу это не интересует. – И тут Алан снова

вспылил: – Как же мне хочется понять, что происходит в Мейнард-Холле! Если призрак мертвого пирата по-прежнему выслеживает, кому бы раскроить череп тупой стороной томагавка...

На лице его спутника появилось такое выражение, словно его окатили водой из ведра.

– Минуточку! – пробормотал доктор Фелл, задыхаясь и хватая ртом воздух. – Повторите-ка, пожалуйста, еще раз? Что делает призрак старого пирата?

– Магистр, это просто легенда. Основанная на слухах и сплетнях, все так расплывчато.

– Ну да, всякий вздор и ерунда. И все же расскажите.

Алан смотрел на дорогу впереди.

– Первого Мейнарда, которому лорды-собственники колонии Каролина выделили эти земли, если не ошибаюсь, в тысяча шестьсот восемьдесят пятом году, звали Ричардом. Эти имена – Ричард, Генри и Люк – до сих пор повторяются в их роду. Первый Ричард Мейнард был уже немолод и, судя по всему, отличался авантюрным характером. Однако он купил пятьсот акров на северной оконечности острова Джеймс-Айленд, женился, завел семью, остепенился и занялся выращиванием риса и хлопка. А потом началась его жестокая вражда с Большим Нэтом Скином. Натаниэль Скин происходил из хорошей семьи и получил достойное образование, но тем не менее слыл жестоким бандитом с вечно всклокоченной бородой. Он плавал с пиратами и жил с индейцами. Прав-

да, первый факт никому не удалось доказать, а последним он любил прихвастнуть. Он поселился в каменной лачуге на болотах у южного берега острова, неподалеку от Фолли-Бич. Никто не знает, почему он возненавидел Ричарда Мейнарда и пригрозил «выпустить ему кишки». Но Ричард отреагировал на его выпады с не меньшей яростью. Джозеф Мортон – губернатор колонии в Чарльз-Тауне – только и ждал предлога, чтобы избавиться от Скина. И вот спустя много лет он его нашел. У Большого Нэта было две жены-индианки, по сути его рабыни. Законом запрещалось иметь рабов-индейцев, только негров. Однажды в тысяча шестьсот девяносто втором году губернатор Мортон отправил своего военного адъютанта, капитана Уэринга, передать Скину приказ о его высылке из колонии. Капитан Уэринг прибыл с большой земли на маленькой лодке, но не знал, где искать Скина. Ричард Мейнард предложил проводить его. Они ехали верхом по диким тропам – других дорог в то время на острове не было. Едва они спешили, как Большой Нэт выскочил из своего дома с примитивным оружием в руках. Не обращая внимания на офицера, посланного губернатором, он выплеснул весь свой яд на давнего врага. Швырнул оружие Ричарду под ноги, взревел, стал провоцировать так, что Мейнард просто не смог проигнорировать вызов, а затем устремился в бой. На пустынном песчаном берегу разыгралось сражение. Они дрались как индейцы, с ножами и томагавками: нож в правой руке, томагавк – в левой. Ричард Мейнард хорошо

владел шпагой и не привык к таким грубым методам. Проворный и удачливый, он не отличался щепетильностью и не возражал против драки на ножах. Но бросать в противника томагавк или разбивать им чью-то голову в рукопашной казалось ему сущим варварством. Он уклонился от первых ударов Скина, однако потом сам потерял голову и ринулся в атаку. Томагавк, как вы знаете, это такой маленький плоский топорик, у него нет обуха с противоположной от лезвия стороны. Даже тупой конец томагавка смертоносен. Скин снова бросился на Ричарда, целясь ножом противнику в живот. Ричард повернул томагавк и тупой стороной со всей силы ударил Скина справа по голове. Скин не успел парировать удар правой рукой с ножом, и Ричарду удалось оглушить его, а может, и того хуже. Когда же Скин упал, нож Ричарда вошел ему прямо в сердце. Большого Нэта похоронили на краю болота рядом с тем местом, где он погиб. Поскольку капитан Уэринг стал свидетелем поединка, «процесс» над Ричардом Мейнардом и судом-то нельзя было назвать. Присяжные оправдали его чуть ли не с выражениями признательности. И вынесли особую благодарность за то, что Скина похоронили по христианскому обычаю. Эта часть истории совершенно правдива, вы можете найти все документальные свидетельства с подписями и печатями. Но потом, доктор Фелл... потом...

Доктор Фелл, слушавший рассказ с большим вниманием, скосив глаза к переносице, неожиданно возмутился.

– Я проявил образцовое терпение, – сказал он, – пока выслушивал эту весьма увлекательную историю. И буду рад узнать ее продолжение. Но пока не увидел загадки, которая могла бы лишить покоя и сна.

– А вот Ричард Мейнард, говорят, потерял покой и сон.

– Неужели?

– Прошло еще несколько лет, – продолжал Алан. – От Большого Нэта Скина не осталось никаких следов. Его лачуга превратилась в руины, его жены вернулись в свое племя тускарора. И если не считать потока поселенцев, то Джеймс-Айленд оставался почти таким, как прежде. Но Ричард Мейнард начал постепенно меняться. Он и раньше не отличался добродушным нравом, но теперь стал таким замкнутым и раздражительным, что даже родные дети боялись к нему лишний раз обращаться. Всем, кто готов был его выслушать, Ричард жаловался, будто кто-то или что-то повсюду следует за ним. От скрипа двери он подпрыгивал чуть ли не до потолка, боялся наступления сумерек и не выносил ночь. Однажды в тысяча шестьсот девяносто восьмом году он снова поехал верхом на противоположную сторону острова. Никто не знал зачем. Ночью его конь прискакал обратно без всадника. На рассвете его тело нашли на болоте в нескольких сотнях ярдов от могилы Большого Нэта. Голова Ричарда была разбита с правой стороны, но не лезвием, а как будто ему нанесли несколько ударов тупой стороной томагавка. На мягкой влажной земле обнаружили только его следы. А ни-

какого оружия там не оказалось. Вот такая история, доктор Фелл. Что хотите, то и думайте. Вы уж простите меня за эту глупость, но Натаниэль Скин даже при жизни был не самым приятным человеком, а после смерти и подавно никому не захотелось бы с ним встретиться.

Доктор Фелл крепко зажмурился и поднял руку, словно пытаясь что-то нащупать в воздухе.

– Пойдите! – прогрохотал он. – Я, кажется, слышал... разве спустя почти двести лет здесь не произошла похожая история?

– Если вы про случай с коммодором Люком Мейнардом в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году, то свидетельств об этом происшествии так же мало.

– Так же мало? Архонты афинские! Но ведь об этом наверняка писали в газетах?

– Да, но...

– Что «но»?

– Коммодор Люк Мейнард – угрюмый головорез и пламенный конфедерат – командовал одним из рейдов южан, нанесших огромный урон торговой деятельности Союза. Все слышали про такие корабли конфедератов, как «Флорида» и «Алабама». Люк Мейнард командовал «Пальметто». Как и остальные боевые суда, его построили в Англии, а затем уже в порту далеко от Британии на него установили пушки. В конце концов «Пальметто» встретил корабль северян «Понтиак», который обладал большей грузоподъемностью и

огневой мощью. Оба корабля потопили друг друга в бою при отступлении конфедератов у побережья Ямайки в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году. Люк Мейнард остался на своем корабле, когда тот пошел ко дну, но его подобрала лодка, принадлежавшая сторонникам Конфедерации из Порт-Рояля. Мейнард не погиб от вражеских пушек, однако мог умереть на дуэли. В Мейнард-Холле спустили флаг Конфедерации. Чарльстон оказался в тисках реконструкции. Войска Союза оккупировали тогдашнюю цитадель на Мэрион-сквер, чертовы янки были на каждом углу, а коммодор Мейнард славился взрывным характером. Но и от пули он не погиб. Однажды вечером в апреле тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года он отправился прогуляться по берегу у подножия Мейнард-Холла и шел в сторону запада. Его тело нашли на следующее утро во время отлива. И хотя волны не доставали до того места, где он лежал, песок на расстоянии в тридцать футов вокруг него был мокрым. Ему проломили череп с правой стороны, никаких следов, кроме его собственных, не обнаружили. Как и орудия убийства. Я говорил, что от газет оказалось мало толку. Они до сих пор хранятся в подвале библиотеки Городского колледжа Чарльстона. Но можно понять, почему из них нельзя извлечь ничего полезного. Конфедерация пережила четыре кошмарных года, включая марш Шермана из Атланты к морю, а впоследствии в Северную и Южную Каролины. Все были сыты этими ужасами по горло. Поэтому в газетах о смерти коммо-

дора Мейнарда писали очень сдержанно, и сложно понять, что произошло на самом деле. Есть одна деталь, которую они упомянули, но ее трудно назвать информативной. На песке неподалеку от тела, примерно в двенадцати или пятнадцати дюймах от его головы и дюймов на десять выше по берегу, лежал маленький клубок морских водорослей.

– Морские водоросли! – внезапно воскликнул доктор Фелл. – О мой бог! О Бахус! О моя древняя шляпа! Вы сейчас сказали про водоросли?

– Да. Знаете, их часто находят на берегу.

– Ну конечно. Я опять задумался. – Доктор Фелл заморгал, разглядывая сельский пейзаж за окном. – Кстати, где мы сейчас находимся?

– Мы уже проехали Колумбию и дорожный знак, который показывал, что до Чарльстона остается сто миль. Через час с небольшим будем на месте...

До конца поездки они почти не разговаривали. Доктор Фелл размышлял, с сосредоточенным видом скосив глаза и положив ладони на рукоятку трости. Алан курил сигарету за сигаретой, образ Камиллы все никак не выходил у него из головы. Он представлял себе ее рыжевато-каштановые волосы, сияющую кожу и темно-синие глаза, которые она всегда отводила в сторону, лишь бы не встретиться с ним взглядом. В пятнадцать минут первого они въехали в мрачный индустриальный район к северу от центра Чарльстона. Алан свернул направо, в плотный поток машин.

– Это Кинг-стрит, – объяснил он, – та самая длинная автомагистраль, которую вы упоминали. Теперь минут десять или около того придется продираться через светофоры. Они здесь переключаются очень быстро: если загорается зеленый, нужно оказаться в числе первых машин в ряду, иначе не успеете проехать, а уже зажжется красный.

– Нам придется ехать через весь город, чтобы найти отель?

– Нет. Совсем скоро вы увидите его справа на углу Кэлхун-стрит, напротив Мэрион-сквер. Высматривайте большое здание из красного кирпича со съездом на парковку перед ним.

Я уже упоминал прежде, – продолжил Алан десять минут спустя, – что Генри Мейнард может рассказать намного больше об истории своей семьи, чем вы найдете в официальных источниках. – Его снова охватило беспокойство. – Но ничего ужасного не произошло, иначе об этом стало бы известно. Да и что может случиться, правда? Вот здесь мы поворачиваем.

– Что ж, – сказал доктор Фелл, – похоже, вам кто-то машет рукой. И это юная леди...

Сердце Алана подпрыгнуло. Он остановился около белого шлагбаума, преграждавшего въезд на открытую автостоянку. Левой рукой Алан нажал на серебристую кнопку механической коробки, управлявшей шлагбаумом. Механизм звякнул, выдал прокомпостированный клочок бумаги, шлагбаум открылся, и Алан проехал на парковку.

А потом он увидел ее.

Она казалась немного выше Мэдж Мейнард и, возможно, чуть стройнее, но почти так же хорошо сложена. На ней было бело-голубое летнее платье довольно строгого покроя и солнцезащитные очки, которые она подняла, чтобы посмотреть на него.

– Камилла!

– Алан!

– Все в порядке? Надеюсь, никто не пускал в ход томагавк?

– Нет. По крайней мере, в последнее время, – ответила Камилла. Ее лицо немного разрумянилось, но, вероятно, из-за теплой погоды. – Если ты про те ужасные старые истории, то в оружейной комнате хранится один томагавк. Но в наши дни томагавки вышли из моды, и даже тебе вряд ли придет в голову стукнуть меня им.

– Тебя?

Тут Алан наконец-то увидел ее спутника и сразу осекся. Позади Камиллы возвышался крепкий мужчина в темном костюме и галстуке. Похоже, что к своим почти пятидесяти годам он начал набирать вес. У него была тяжелая челюсть, но добродушный взгляд, а манеры отличались неторопливостью и вдумчивостью. Камилла сосредоточила все свое внимание на Алане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.